

С (44844.)
К X 98

9403-к
ПЕДЕР

ХУЗАНГАЙ

Поэтическая
РОССИЯ

ВЕЛИКОЕ
СЕРДЦЕ
ПОЭМЫ

Национальная библиотека ЧР

k-009403

Отдел

3

9403-к

ПРОВЕРЕНО

20¹³ 07 СЕН 2017

✓

Издательство
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
Москва—1964

ПЕДЕР
ХУЗАНГАЙ

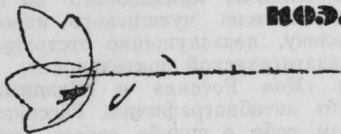
К

С(Чуваши)

X 98

ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ

ПОЭМЫ

Авторизованный
перевод
с чувашского

АЛЕКСАНДРА КАЗАКОВА

31631

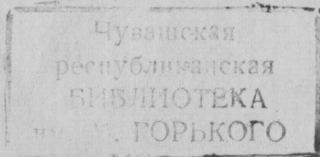
К

В новую книгу народного поэта Чувашии Педера Хузангая вошли четыре небольшие поэмы. В основу поэмы «Великое сердце» положен действительный факт, ярко раскрывающий чуткость, отзывчивость, бережное отношение к людям Владимира Ильича, пришедшего на помощь просветителю чувашского народа И. Я. Яковлеву, незаслуженно отстраненному от педагогической деятельности.

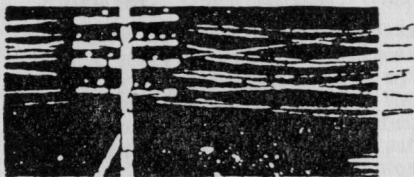
Поэмы «Моя Россия» и «Владимир Маяковский» автобиографичны. Рассказывая о самом себе, о судьбе своего рода, Хузангай раскрывает перед читателем широкую картину жизни родной Чувашии — ее прошлое и настоящее, нераздельно слитые с революционным прошлым и социалистическим сегодня всей Советской России.

Книга проникнута любовью к русскому народу, его культуре.

~ 9403 - K

Проверено 7 СЕН 2017

**ВЕЛИКОЕ
СЕРДЦЕ**

Ильинская Городская
БИБЛИОТЕКА № 19
АБОНЕМЕНТ

Симбирск. Председателю Совдепа.

Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни.

Председатель Совнаркома Ленин¹.

...Ленин, чье сердце было равновелико его мысли.

К л а р а Ц е т к и н

**В Петрограде победила
Революция. Но бой
Штормом небывалой силы
Громыхает над страной.**

**«Пусть бушует непогода,
Перебесится авось...
Вон Керенский... воевода,**

¹ Ленинский сборник, XXI, изд. 2-е, стр. 263—264.

А поди ж, бежать пришлось...
То же будет и с другими —
Разбегутся кто куда...
Мы с молитвами святыми
Переждем... Пройдет беда...
Не попустит злу создатель,
Не оставит в горе нас...»
Так российский обыватель
Шепчет, истово крестясь.

Но все выше вал. Все шире
Революции волна.
От Кронштадта до Сибири
Закипела вся страна.

Старый Яковлев доволен,
Хоть иных его друзей
Не сыскать, как ветра в поле:
Ищут места потеплей.

«Пусть их... скатертью дорога...» —
Думает старик. Ему
Керосину бы немного:
Город погружен во тьму.

А зима не заморозит —
Есть мука про черный день,
Дров учителю подвозят
Чуваши из деревень.

От народа нет причины
За кордон ему бежать,
Он не граф и не купчина —
Им-то надо поспешать...

Вот уже полвека школе
Он все силы отдает.
«А теперь?.. Не нужен, что ли,
Я тебе, родной народ?
Есть приказ от комиссара
Сдать преемнику дела.
Что же я, трудился даром?
Что же, зря вся жизнь прошла?»

Мысли Яковлева горьки:
«Где ошибки, в чем их суть?»
Старику подчас до зорьки
Думы не дают уснуть.

«Правда-матушка поборет, —
Утешается старик, —
Но зачем со мною спорит
Мой любимый ученик?
Восемнадцать лет мальчишке...
Говорит, что стар я стал,
Что всю жизнь без передышки
Воз тянул... ослаб, устал...
Это так он... мне в угоду...
Ну, а суть легко понять:
Устарела, мол, метода —
Вот что хочет он сказать...
Да... Дела... Везде болтают,
Что от русских отойдем.
Будто бы не понимают,
Где стоит родимый дом.
Ну, пускай бы край чувашский
Был не в глубине Руси,
А, допустим, на Аляске, —
От чего, господь, спаси...
Коль не так, то бредни эти
Просто-напросто смешны...
Споры, шум... «Отцы» и «дети» —
Две столкнувшихся волны.
Нет! Совсем не то!.. К примеру,
Хоть мои ученики —

Часть из них теперь эсеры,
Часть пошла в большевики...
Вместе им как будто тесно,
Бьются злей, чем на войне...
Родине служил я честно,
А теперь что делать мне?
Сын мой Алексей, наш Леля,
Вновь зовет к себе в Москву.
Нет уж, век я отдал школе,
Здесь его и доживу...
И в столицу, и в Москву я
На высокий пост был зван,
Но остался, не рискуя
Покидать родных волжан.
Жизнь без них была б пустая...
Я рожден в избе курной,
Но хотел бы, умирая,
Светлым видеть край родной...
Так вот и отвечу сыну.
Он поймет: учен, умен.
Кошки¹ — вот мои Афины,
А Симбирск — мой Пантеон...»

¹ Кошки — чувашское село в бывшем Буинском уезде Симбирской губернии (ныне в Татарии), где родился выдающийся просветитель чувашского народа, педагог и общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности И. Я. Яковлев (1848—1930).

— Мать, я выйду, прогуляюсь,—
Говорит старик жене.
...На Свяге лед, ломаясь,
Крутится на быстрине.

Ветру полная свобода
Над водой. Бурлит она.
Солнце, грохот ледохода
И грачинный грай — весна!

Прочь житейские невзгоды!
В шляпе, с посохом в руке
Человек седобородый
Не спеша идет к реке.

Вспомнил он один далекий,
Схожий с нынешним денек.
Так же мутные потоки
С гор, журча, сбегали в лог;
Над Свягой гуси цугом
Пролетали... У Ильи
Николаича, у друга,
Сын родился... Дни прошли...

Минуло, как час, полвека,
Мальчик на его глазах
Превратился в человека,
Чьи слова у всех в сердцах.

«Брал его я на колени...
Да... Хоть сам себе не верь...
Маленький Володя... Ленин! —
Вот кто мальчик тот теперь!
Он в Москве, как сообщают.
Там и Леля мой сейчас.
Может быть, друг друга знают.
Может, встретятся как раз.
Ленин... Добрый он, конечно.
Мне ли этого не знать —
Не встречал людей сердечней,
Чем отец его и мать.
Помню, как пришел Володя
К нам, когда его отец
Помер... Матери в невзгодье
Стал оплотом он, юнец...
Через год судили брата
Александра... И опять
Юношу с душой крылатой
Не смогла беда сломать.

Нет, живой, в решеньях скорый,
Справедливый и прямой,
Он единственной опорой
Стал семье своей родной...
Ленин... Во главе России
Он теперь... Что ж, по плечу,
Думаю, дела большие
Сыну друга — Ильичу.
Помнит ли меня? Встречались
Все-таки уже давно.
Три десятка лет не малость —
Позабыть не мудрено...
Что, коль я обеспокою
Делом маленьким его?
Правда, время не такое...
Занят он скорей всего.
Край чувашский — капля в море,
А Россия велика.
Не до нас ему...» Но горе
Грызло сердце старика.

И в письме оно излилось.
Сыну Яковлев открыл
То, с чем сердце не смирилось,
Что терпеть не стало сил.

Труженик страдать безвинно
Не желал и в Кремль сходить
Попросил немедля сына:
Примет Ленин, может быть...

Сын по тону сразу понял,
Как обида велика.
«Клеветую кто-то донял
Там, в Симбирске, старика.
Тут нельзя стоять в сторонке,
Надо как-то помогать...»
Жил профессор на Волхонке,
До Кремля рукой подать.
И двадцатого апреля
В Кремль пошел он... к самому...
Там без всякой канители
Пропуск выдали ему.

Но попасть к Предсовнаркома
Не легко. Сюда идут
С тем, что никому другому
Не решить. Порядок крут.

Ленин занят до предела.
Секретарь достал тетрадь:

— Изложите ваше дело...
Вам придется подождать...
Видите, звонкам конца нет —
Многим надо на прием...—
Но профессор нынче занят:
— Лекция... Зайду потом.

Он присел, в записке кратко
Изложил больной вопрос.
Секретарь в свою тетрадку
Адрес Яковлева внес.

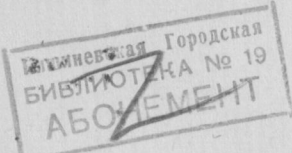
Вышел из Кремля историк.
Улица почти пуста.
«Да, отец, удел твой горек.
Больно жалит клевета...»

Он пришел к себе. В прихожей
Ждет его простой солдат.
— Вам кого? — Мне вас, похоже...
Яковлев? — Да.— Вот мандат.

Френч. Солдатские ботинки.
Гость, наверно, мало спал.

— Вас, товарищ Половинкин,
Я как будто бы встречал?..
— В этом доме проживаю,
Ближний, стало быть, сосед..
— Очень рад! Хотите чаю?
Проходите в кабинет...

Лишь когда они остались
С глазу на глаз, гость сказал:
— Вы, должно быть, догадались,
Кто меня сюда прислал..
Я связист при Совнаркоме..
Рад, что дома вы как раз.
Разрешите вызвать номер:
Ленин хочет слышать вас.
Миг один — и раскололась
Тишина. Ильич сказал:
— Здравствуйте! — Знакомый голос!
Он лишь мужественней стал. —
Алексей Иваныч, может,
Сильно беспокою вас..
Извините... Но тревожит
Ваш визит меня... Сейчас
Не могли бы вы вернуться
В Кремль на несколько минут?

Если пять минут найдутся,
Буду ждать... Вас проведут...

Гомонила галок стая.
Пахла сыростью земля.
Ничего не замечая,
Шел профессор до Кремля.

Секретарь предупрежденный
К Ильичу его провел.
Книжный шкаф. Два телефона.
Скромный кабинетный стол.

Дорогой, простой и близкий
Человек с огромным лбом
Пишет, наклонясь, записку
На листочке небольшом.
Видно, тезисы к докладу
На листок он заносил...
Вот на гостя поднял взгляд он,
Улыбнулся и спросил:

— Чем могу помочь, скажите,
Вашему отцу и вам? —
Вышел к гостю: — Проходите!
Вот вам стул... — Присел и сам.

С гостя не сводил он взгляда,
Слушая его рассказ.
А потом — вопросы градом:
— Ну, а как дела у вас?
Академикам, наверно,
Не легко теперь?.. Да, да...
Понимаю... тяжело, скверно...
Мир добудем, вот тогда...
Весь уклад тысячелетний
Рухнул... Путь наш труден, но
С каждым шагом все заметней,
Что другого не дано...
Ясно вам уж, вероятно,
Что история у нас
(Н а с т о я щ а я, понятно)
Только-только началась...
Вы историк. И смотрите
Чаще вспять вы, стало быть.
Ход сегодняшних событий
Можно ль с чем-нибудь сравнить?..

Вспомнили Симбирск, и оба
Призадумались на миг.
Вот где с радостью б он побыл!
Тянет к Волге... не отвык...
Там уж паводок весенний
Начался, грохочет лед...
Хорошо!.. Тут, видно, Ленин
Что-то вспомнил. Он встает:
— Все еще на Малой Конной
Ваш отец живет? Здоров?
Возраст все-таки преклонный,
А работает. Каков!
Пожелайте же здоровья
От меня ему и — вот... —
Сел за стол, потер надбровье,
Что-то записал в блокнот.

Прочитал. Над текстом прямо,
Улыбнувшись, стал писать:
«Счет за эту телеграмму
Л и ч н о мне прошу прислать».

Слово л и ч н о подчеркнул он
В кратком тексте на полях,

И улыбка вновь сверкнула
В карих ласковых глазах.

Л и ч н о! Солнечные блики
Вдруг легли на белый лист.
Был он скромным и великим.
Был во всем он коммунист.

Кто в Чувашии не знает,
Не читал еще тех слов?
Детвора их повторяет,
Услыхав от стариков.

Здесь и женщина в сурбане,¹
И старик как лунь седой
Так, бывает, в назиданье
Скажут смене молодой:
— Ленин! Вот кто дал нам счастье,
Вывел нас на светлый путь.
Он отец Советской власти —
Это, внучек, не забудь!

¹ С у р б а н — старинный головной убор чувашки.

— Не дал Ленин дерзким людям
Яковлева обижать!
Разве это мы забудем!.. —
Дочери внушает мать...

А в Симбирске той весной,
После паводка, когда
Небо уж дышало зноем
И с полей сошла вода,
Указанье комиссара
Приниматься за дела
Получил инспектор старый.
Весть больного подняла.
Сам пакет он распечатал.
Сел в постели. Прочитал.
Все как надо: подпись, дата...
Да, не зря письма он ждал...

— Мать! — позвал старик супругу,
Быстро встал, надел халат,
Кушаком стянулся туго,
Вновь на подпись бросил взгляд,
Двери распахнул и сразу,

Не ступая за порог:
— Мать, дождался я приказа.
Посмотри... Ильич помог!

Это быстро урезонит
Тех, кто нас хотел прогнать...
Уж теперь никто не тронет...
Потружусь еще я, мать...—

— Хорошо! Но ты ведь болен,—
Говорит ему жена.—
Ляг. Забудь пока о школе.
Тишина тебе нужна.—

«Да. Устал, устал немного,—
Думает старик больной,—
Что ж, трудна была дорога,
Но не выбрал бы иной.
Может, где-то остушался,
Но тянул не жердь, а кряж...
А Ильич-то отозвался...
Не оставит он чуваш...»

Хочет в классы по секрету
От жены уйти старик.
Вот, уже переодетый,
Дверь открыл. Дозора нету —
Можно даже напрямик...

Семинария! Полвека
Он мечтал о ней. И вот —
Есть простому человеку
В светлый храм науки ход.

Сам он нужен делу тоже.
Ленин так и написал!
Строк теплей, родней, дороже
Просветитель не читал.

Как тут усидишь на месте!
Неприменно должен сам
С этой радостною вестью
Он прийти к ученикам.

Выходя, окинул взглядом
Стены комнаты старик.

Лапоть на стене, а рядом
В лыко воткнут кочедык.

Тут же длинный кнут пастуший
И рожок: как и сейчас,
В детстве дед не бил баклуши —
Лапти плел и стадо пас.

Ничего не позабыто,
Память до сих пор светла...
Многих сверстников с поры той
Мать сыра земля взяла...

Тяжело мальчонке было,
Кнут с трудом он волочил.
Или солнышко палило,
Или дождь его мочил...

Горше горечи полыни
Хлеб батрацкий, нищета...
Да, он пас, пасет и ныне,
Только паства уж не та.

С ней куда трудней... И все же
Жаль, что век недолог наш.
Ленин!.. Вот кто нам поможет,
Не оставит он чуваш!..

А теперь туда, к народу!..
Ясен взгляд лучистых глаз.
Человек седобородый
Отворяет двери в класс.

1960

1

Буря мглою небо кроет...

А. Пушкин

...Россию Пушкин мне открыл.
Когда окно с одною рамой
Напоминало глаз бельмастый,
И в дверь, обитую рогожей,
Заиндевавшую в мороз,—
Чуть приоткрой ее — врывался
Клубами воздух ледяной,
А в еле видной из-под снега
Печной трубе выл ветер вьюжный,
Мне чудилось: живет на свете
Волшебник-мастер, что умеет
Из этой стужи неуютной,
Из вихрей, льда и снега делать
Слова прекрасных чистых песен,

Сверкающие, как алмаз...
В бураны непроглядной ночью
С поземкой, с ошалелым свистом,
Чтоб путнику не заплутать,
Бил в колокол церковный сторож.
Во тьме далеко звон унылый
Летел в заснеженное поле.

Бил с передышками звонарь:
Ударит раз, другой... десятый
И ненадолго замолчит.
В тот самый миг в моей груди
Как будто что-то обрывалось,
По коже пробежал озноб;
В огромном мире человек
Казался жалким, незащитным
И неустроенным созданием.

Мать, сидя за гудящей прялкой,
Заслышав колокольный звон,
Придерживала колесо,
В окно глядела и вздыхала:
«Ах, боже наш! Пускай никто
Со следа не собьется нынче,
Пусть не свернет с дороги конь,
Пускай гужи не оборвутся...»

А в книге, на столе белевшей
Под тусклым огоньком мигалки,

Такая же крутилась вьюга,
В сугроб кибитка зарывалась,
Возница заставлял коней
Месить глубокий рыхлый снег,
И полосатые столбы,
Пред взором седока мелькнув,
Во мгле тотчас же пропадали.
Он слушал песни ямщика,
То грустные, то удалые,
И, одинокий, ехал, ехал...

Куда, зачем спешил в пургу
Ездок, сумевший растопить
Кипучей кровью африканской
Лед северной унылой скуки?
Что там искал он? Что пленяло
В просторах русских бесконечных
Воображение его?
Что б ни было — его удел,
Его судьба неотразимо
Влекли мой отроческий ум,
И думал тайно я в тиши:
«Мне с ним бы в дали снеговые...» —
Он для меня был всей Россией!

Я Пушкин просто, не Мусин.

А. Пушкин

Жил в тридцати верстах от нас
В селе Безднѣ какой-то барин.
Не помню имени его,
Но в этом нет большой беды.
Я слышал, что лет сто назад
Селенье русское с названьем,
По ближней речке кем-то данным,
Считалось вотчиною графа
Мусина-Пушкина. Его-то,
Как сказку страшную, поныне
Односельчане не забыли.

Случилось так, что крепостной
Антон Петров, мужик бесстрашный,
Округу поднял на восстанье.
Селений сто, а то и больше
Пошло за смелым вожаком.
Прослышав о безднинском бунте,
За вилы и за топоры
Взялась повсюду беднота.

«Антон,— кричали, — знает правду
О нашей воле, о земле!
Он царский манифест читал!
Земля за нами! Спину гнуть
На бар не станем больше! Хватит!
Пришла, ребята, к нам свобода!»
Так гомонила голытьба,
И ополчались на господ
Деревни, волости, уезды.

Жестоко генерал Апраксин
Мятеж крестьянский подавил.
По безоружным мужикам
Войскам он дал приказ стрелять,
Колоть их пиками, рубить!

Кололи, вешали, секли...
Петров был схвачен. Без суда
Для устрашенья бунтарей
Его на месте расстреляли.
Свершилась казнь, но разве можно
Убить народную мечту,
Засечь народную надежду?!

В туманном Лондоне гремел
Набатный «Колокол». Европу
О зверствах Герцен известил.
Конечно, этот дальний звон

Не слышали односельчане,
То был бесписьменный народ.
Но не забыт «Андур Петрух».
От поколенья к поколенью
У нас передавалась повесть
О смелом русском человеке:

«По-разному в России жили...
Бездна вон... Барские крестьяне
Погорше нас хлебнули горя!
Менял их барин на собак,
Проигрывал и продавал;
Невест крестьянских он бесчестил...
Не захотел смельчак Андун
Сносить позор, не пожалел
Своей удалой головы,
Сложил ее за мир крестьянский...»
Вот шли к нам отзвуки какие
От бурь, гремевших над Россией.

3

Понятна мне времен превратность.
А. Пушкин

Домой по Волге возвращаясь,
Бездну я проезжал не раз.

Деревню эту в честь Петрова
Антоновкой теперь зовут.
Остался в памяти людей
Вожак крестьянский. Читит народ
Своих героев беззаветных.
Высоким тыном от соседей
Чувашский мир не отделялся.
Ходили земляки мои
По всей России необъятной.
В приволжских городах торговых
Кипели страсти; чистоган
Владел сердцами их степенств...
Обман, мошенничество, взятки...
Из всех губерний мужики
Тянулись к волжским берегам.
Они раскрашенные ложки
Несли на шапках: так виднее...
Харчи хозяйские, а сила
Твоя — валяй, тyani, бурлак!..

Неподалёку от Бездны
Есть русская деревня. Ею
Владел помещик Арыстух —
Так наши деды называли,
А как по-русски звался он,
Наверное, никто не вспомнит...
Бывало, в праздник старики,

Родни обширной патриархи,
Народ веселый, башковитый
И остроеловы хоть куда,
Любили под хмельком шутить:
«Теперь бы к свату Арыстуху
Не худо было бы заехать,
Еще разок попировать!»
Коль удивлялась молодежь,
Мол, как же так — помещик, барин
И вдруг простым крестьянам сват,
Так старики им говорили:
«Про то вам невдомек, конечно,
Да мы и сами это знаем
Со слов давно умерших дедов:
Из русских наша прапрабабка.
Да, да, сынок, не позабудь!
Мать рода нашего большого,
Хранительница очага,
Была из крепостной семьи,
Принадлежавшей Арыстуху.
Сто с лишком лет жила она,
Сурбан носила, как чувашка,
Богам чувашским поклонялась
И говорила по-чувашски
Свободно, как вода течет...»
Россия, древняя загадка!

Могучая, лихая сила!
Как разгадать, понять тебя?
Спасибо бабке-россиянке!..

Чуващ, как перекаати-поле,
Носился некогда по свету.
Он, видно, был из беспокойных,
Коль занесло его в Казань...
Как долго прожил там земляк,
Счастливо или несчастливо —
Кто знает! Но как раз в Казани
Сумел он русскую пленить,
Вернулся с ней в свое село,
И прозван был у нас К а з а н е ц.
Пристала крепко эта кличка:
Когда в том надобность была,
Он и писался: К а з а н к о в.
Род Казанковых разрастался,
И нынче нас уж полсела.
В дни возрождения народа,
Когда в истории впервые
Мы в автономии чувашской
Хозяевами стали сами
И жизни и судьбы, решил я
Назваться на чувашский лад.
Казань по нашему — Хузан,
Так Казанков стал Хузангаем...

Перед тобой в долгу я, Русь.
Когда и как я расплачусь?!

4

Дела давно минувших дней...

А. Пушкин

Кто скажет, русская прабабка,
Как выглядела ты? Никто!
Картин с тебя не рисовали,
Не помнят, где твоя могила,
И даже имени не помнят...
Да. Не дворянкой столбовою
И не из княжеских хором —
Была ты дочкой хлебороба
И вместе с барыней своею
Попала, говорят, в Казань.
Ты не смотрелась в зеркала:
Прислуживая госпоже,
С нее ты не спускала взора.

Проворной, точно трясогузка,
Была ты, и любое дело
Горело у тебя в руках.
Но душно сердцу твоему
В покоях барских, видно, было —
На волюшку рвалось оно...
Голубоглазая девчонка
С ковыльной толстою косою,
Ты как-то выбежала в сад
И встретила там парня. Тот
Был смуглолицый и курчавый,
Сияли черные глаза.
Был скромн молодой чуваш,
По-своему любезен, вежлив,
Немного говорил по-русски,
Вид городской имел: не лапти
У парня были на ногах,
А сапоги, пусть из дешевых;
На плечи юноша накиннул
Кафтан фабричного сукна
С борами; спереди виднелась
Расшитая его рубашка...
Купцом заправским стать — нет денег,
Холопом у купца — обидно...
Взглянул на девушку чуваш
И вздрогнул: синие глаза

Влекли его к себе, как омут,
Крутящийся бездонный омут,
Что по весне на быстрине
Реки разлившейся увидишь.
«Эх, утону — так утону!» —
И он заговорить решился...
Что в голосе его в тот день
Тебе послышалось и что
В глазах его продолговатых,
Блестящих, черных, точно уголь,
Ты разглядела — мне ли знать?!

Тогда чугушка не ходила,
Не слышно было пароходов,
Но все-таки однажды ночью
Не то пешком, не то в телеге
Поспешно пара молодая
Прочь из Казани подалась.
Все дальше белостенный город
Поди, настигни беглецов!..

Что заставляло чуваша
В избу курную возвратиться?
Что потерял он, что искал?
Во что поверив, ты пошла
За этим черноглазым парнем
Навек из города большого
В далекий край, в медвежий угол,

В деревню тихую, лесную,
К язычникам, прабабка наша?
Никто об этом не узнает.
Известно у чуваш присловье:
«Живет в нас то, что нас сильнее...»
Сыграли свадьбу по старинке
И молодых благословили:
«Срок первой ночи — сорок лет...
Вдвоем вам лечь — троим подняться!..»

Красивых дочек и сынов
Рожала русская невестка,
Кровь рода с нею обновилась.
Могучие дала природа
Ей чресла; через каждый год
Целебным сладким молоком,
На зависть бабам, наливались
Большие груди молодайки,
Похожие на два ковша,
Что опрокинуты вверх дном.
Она рожала в пятьдесят
И больше века прожила!

Издаലെка ее детишек,
Светлоголовых, сероглазых,—
Полуславян, получуваш,—
От прочих отличали. Все же
Они смуглели, подрастая...

Согласью этой дружной пары
Недаром удивлялись люди:
Она оставила на свете
Потомков крупных и горячих —
Наездников неустомимых,
Охотников и рыболовов,
И бортников, и землепашцев,
И плотников, и кузнецов.
Когда же наступало время
Садиться на казенный хлеб,
Шли эти парни в гренадеры...
И музыкантов, и певцов,
И сказочников-фантазеров
Всегда у нас в роду хватало!
 Прабабка, русская душа!
Осталось ли во мне немного
Той крови, что текла в тебе?
Хоть синь очей твоих славянских
В глазах потомка не сверкает,
Но в жилах у меня, наверно,
Есть несколько горячих капель
Твоей неугомонной крови;
Они, быть может, и родили
Огонь неуголимой жажды,
Влекущей сердце в путь-дорогу,
Чтоб видеть с каждым днем все больше

И на земле, и в небесах...
О безымянная, простая
Красавица из неприметной
И тихой русской деревеньки!
Давно хотел я посвятить
Тебе нежнейшую из песен,
Хотел я словом воссоздать
Черты, в сердцах еще живые:
Ты тоже для меня — Россия!

5

...И назовет меня всяк сущий в ней
язык.

А. Пушкин

Республика моя на карте
Напоминает сердце: к югу
Направлена его верхушка,
На севере — аорта — Волга.
Минуло не одно столетье
С тех пор, как бьется небольшое,

Но чуткое к добру и злу,
Отзывчивое сердце это
С великодушным и открытым
Российским сердцем в унисон...

Я был в селенье, чье название
Взял как фамилию себе
Великий следопыт Востока,
Чувашского народа сын,
Китаевед монах Бичурин.
Да, тот Бичурин Иакинф,
Друг Пушкина и декабристов,
Бунтарь и вольнодумец в рясе.
Бичурино почтило память
Славнейшего из земляков
И пригласило в день столетья
Со дня кончины Иакинфа
Писателей, ученых наших.
Здесь, впрочем, мало кто слышал
Его монашеское имя,
Всегда тут люди называли
Односельчанина по-свойски —
Никита Яковлевич: так
В миру ученый схимник звался.
В селенье с гордостью великой
Из поколенья в поколенья
Передавалось, что в столице,

В далеком Питере, есть свой —
Бичуринский — мудрец и книжник...

Был летний вечер. В сельском клубе
Уже прослушали доклад,
И высыпали все на площадь,
Где будут песни и стихи:
Желающих послушать много,
Клуб не вместит и треть из них.

По малым рекам, по оврагам,
Сквозь рощицы и сквозь дубравы, —
Поверх дубов, выдавших виды,
Встречавших все без удивленья,
Вершинами едва кивнув, —
К нам с ветром тихим и прохладным
Дыханье Волги доносилось.
И я по-странному был полон
Всем пушкинским: вон на плоту —
На виселице — пугачевцы
Плывут вниз по реке... Три тела:
Два русских и старик чуваш,
Как описал поэт... А здесь,
В Бичурине, он побыл сам:
Ему на станции почтовой
Сменили лошадей, и дальше —
В Казань — его умчала тройка.
Мне слышался звон бубенцов,

Но с ним смешался звон кандалный:
Через Чувашию давно уж
«Владимирка» шагнула вдаль;
По ней прошли и декабристы.
Как говорят, заночевали
Они совсем недалеко —
В тюрьме цивильской пересыльной...

Да, полон Пушкиным я был.

И в это время по-чувашки
Послышались слова поэта:
«Юлдажым, шан...» — «Товарищ, верь...»
То коренастый восьмиклассник,
Сверкая черными глазами,
Свободно, смело, вдохновенно
Продекламировал стихи.

И вспомнилось мне тут, как сам я
Зимой, в буран, в лачужке темной,
Мечтая о путях далеких,
Листал страницы, спотыкаясь
О незнакомые слова...
Ну что же! Труден первый шаг.
А я шел ощупью средь ночи,
И лишь белки глаз лицеиста,
Искрясь, сверкали мне навстречу,
Как синеватый снег в бору.
Их чистый свет пронес я в сердце,

Преодолев преград немало,
Чтоб этот деревенский мальчик,
Читающий самозабвенно
Мой перевод стихов бессмертных,
Смог сделать все, что я не смог,
А может, просто не успел:
Путь бесконечен, жизнь одна,
И нет предела совершенству...

Иди! Идущий путь осилит.
Дерзай! Ты тоже сын России.

6

Под небом Африки моей...

А. Пушкин

Передо мною фотоснимок,
Что сделан в пятьдесят восьмом
Незабываемом году.
В Ташкенте солнечном тогда
На многих языках земли
Гремело «Африка» везде
И «Азия» звучало всюду.

На этом снимке трое: слева
Татарский мой собрат и друг,
Я справа, а посередине
Курчавый африканский парень
Из Камеруна. Пусть простит
Поэта юный камерунец,
Коль доведется прочитать
Ему вот эти строки, но
Подростком выглядит он, право,
В сравнение с нами. Не забыл
Я имени его, однако
Пока не стану называть...
Он, невысокой, точно вырос,
Когда заговорил с трибуны
И речью умной и горячей
Зал без остатка захватил.
Как гром, овация гремела,
Мы аплодировали стоя.
Но главное не в том. Друг другу
Дарили книги мы, и мне
Случилось с ним разговориться.
Вот тут и подоспел фотограф...
В беседе Пушкин был помянут,
И африканец мне сказал:
«Счастливец вы, доступны вам
Творенья этого поэта

На языке его родном;
Как жаль, что с ними я знаком
Лишь по французским переводам:
Ведь нам он — близкая родня,
Себя назвал он африканцем.

«Ему дал кровь я неплохую!» —
Мой континент сказать бы мог.

Прочесть его не в переводе —
Одно уж это заставляет
С годами русским овладеть...
Да, россияне, вы счастливыцы...»

Я камерунцу подарил
«Дом в Горках» — маленькую книжку.
Лишь переводчик наш умолк,
Друг поднял тонкий палец: «Ленин?»
«Так. Ленин», — отвечаю я
И вижу, как глаза у негра
Сверкнули радостным огнем.
Он бережно подарок принял,
Перелистал, едва касаясь,
Страницы первые и снова
Задумчиво промолвил: «Ленин...»
Он понимал, конечно, кто нам
Открыл мир разума и солнца,
Мир светлый, пушкинский...

Россия,

И желтый материк, и черный —
Все смотрят на тебя с надеждой!
И счастлив я принадлежать
Отчизне тех, чьи имена
Прославили ее навеки.
Горжусь тобой, страна моя!
Куда ни брось меня судьба,
Какое имя ни носи я —
Я твой, Советская Россия!

1960

**ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ**

1

Я помню, повстречался мне
На жизненной тропе неровной
Боец, в котором, как в кремне,
Огонь таился неумный.

Да, как в кремне, ведь он едва ль
Не самый огненосный камень.
Чуть-чуть его коснется сталь,—
Как брызнут искры, вспыхнет пламень...

И тот, кого я повстречал,—
Он тоже в схватке с миром старым
Тем ярче искры рассыпал,
Чем крепче получал удары.

Казань. Театр. Открыта сцена...
Спокойно к рампе вышел он.
Пиджак распахнут... Постепенно
Утихомирился балкон.

Хлопки звучали жидковато:
Из публики, пришедшей в зал,
Иной слышал о нем когда-то,
Но сам пока что не читал...

Потом, потом взгремела слава...
Тогда же робкий треск хлопков
Обидой мне казался. Право,
Я был сердит на земляков.

Поэт глядел тореадором,
Что к схваткам яростным привык.
Казалось мне, на шпагу скоро
Наколется «дней пегий бык».

Суровым, исподлобья, взглядом
Пытливо он обвел партер.
Стал ниже зал и те, кто рядом,
А он — большим, как Гулливер...

Вступление. За ним: «Кончайте
Войну! Довольно!» — грянул бас.
А там — за мыслью поспевайте.
Мгновеньем показался час.

Тот голос рокотал над нами,
Как гул весенних буйных вод.
И снова полыхал огнями
Семнадцатый гремящий год.

Два умных, два огромных глаза.
В них то любовь, то гнев горит.
Строка то медлит чуть, то сразу,
Как пуля, точно в цель летит.

Он вышел с книгой, но на память
Читает каждый эпизод.

И думаешь, какое пламя
Остыть поэту не дает?

Вот снял пиджак он и шагами
Измерил сцену чтению в такт.
Закончил, замер перед нами
И словно отрубил: «Антракт!»

За сцену зашагал устало,
Но тих завороченный зал.
Казалось, речь еще звучала,
Как эхо средь гранита скал.

Шаги его все глуше, глуше...
Ушел, успев сердца зажечь.
Сидел бы день и ночь и слушал
Горячую, как лава, речь.

Товарищ Лавут! Прошу обязательно
устроить чувашских писателей.

Вл. Маяковский

Посмотришь — страшно подступиться:
Рык лвиный, великаний рост...
А познакомиться случится,
Так удивишься — вежлив, прост.

Минута — и прошло смущенье.
Как будто век вы с ним друзья...
Отыскиваем помещенье.
Нас двое — Шелеби и я.

Почтенный наш певец народа
Еще был зорек, полон сил.
Он посоха не брал в те годы,
Очков защитных не носил.

А борода — как смоль. В колечки
Молодцевато завилась...

Стучимся в двери — ни словечка.
Мы громче. «Да!» — рокошет бас.

Вошли. «Чувашские поэты...
Послушать очень вас хотим,
Но все разобраны билеты,
Нельзя ль помочь, хотя б двоим?..»

Я вспоминаю все, как было.
Он, видно, отдохнуть прилег.
Кровать гиганта не вместила,
И стул приставил он для ног.

Усаживает нас. «Папаша...—
Заводит речь со стариком.—
Ч у в а ш ь в е р н е й и л и ч у в а ш и н ? » —
Вопрос нам задает потом.

Мы объясняем. Тут же что-то
В блокнот заносит, бормоча,
И снова слушает с охотой,
Не сводит глаз с бородача.

«Чуть-чуть знаком я с речью вашей.
В Москве поэт мне стих читал...
Язык красивый у чувашей
И очень гибкий, я б сказал...»¹

Меня, прощаясь, на минуту
Он задержал и дал листок
К администратору Лавуту,
Чтоб тот нам в зал попасть помог.

Благодаря записке этой
Я в первый ряд тогда прошел
И, взора не сводя с поэта,
Волнуясь, слушал «Хорошо!».

Меня тот голос словно поднял,
Навек преобразив житье...
Как далеки они сегодня —
Казань... студенчество мое!

¹ В 20-е годы в Москве вместе с Маяковским на вечерах поэзии неоднократно выступали чувашский поэт Никифор Васянка, грузинский поэт Алио Мирцхулава и др. Это были первые интернациональные поэтические вечера.

Но возвратимся снова в зал,
 Аплодисментов отголоски...
 Вновь перед публикой предстал
 Неповторимый Маяковский.

Чуващ, татарин и мордвин
 Внимали напряженно слову,
 Но в зале, видно, не один
 Из тех, что жаждали иного.

Нет-нет да и услышишь: «Фуй!»,
 «Ах, вздор какой!», «Стихи ли это?!»
 Так новоявленный буржуй
 Встречал глашатая Советов.

Когда ширтан¹ перележит,
 Заводится в нем червь зловонный,
 Такой же нечистью кишит
 И старый мир — мир обреченный.

¹ Ш и р т а н — род колбасы (чувашск.)

Иной не только шепчет: «Вздор...» —
А тросточку сует в колеса:
Под занавес кричит: «Позор!»,
Строчит ехидные вопросы.

Так, накатал один пижон:
«С кем по Парижу вы гуляли?»
Второй: «А сколько у вас жен?
А чем вы устриц заживали?»

«Где ваша кофта, футурист?
Вы в красном сколько лет примерно?»
«Вам много золота за лист
Подкинули из Коминтерна?»

Поэт читал вопросы велух
И тут же подвергал их чистке:
Отмахиваясь, как от мух,
В карман такие клал записки.

Но вот пришла еще одна —
О ЛЕФе. «Да. Вопрос серьезный...» —

И он увлекся. Речь точна.
Ответ предельно скрупулезный.

«...Старье идет червям на корм...
Поэт — предвестник и новатор!
Для новых мыслей — новых форм!» —
Призывом заключил оратор.

В фойе был выставлен весь ЛЕФ.
Прошелся он туда в антракте
И, равнодушие усмотрев,
Теперь сказал об этом факте:

«Стихи, а люди — в стороне.
Ни капельки ажиотажа.
Случайность, думается мне,
Что на мои не взглянут даже...»

Улыбка, тронув губ углы,
Лицо суровое смягчила...
Вот он внизу, и в дымке мглы
Прошел к автомобилю было.

Но тут студенты. Сотни их.
Милиции у входа туго.
Узнали среди лиц других,
Идут к нему, тесня друг друга.

Крик дружный: «В уни-верси-тет!!!»
Приветствия... Конца им нету.
Я думал гордо: «Вот поэт!»
И счастлив был в минуту эту.

5

Москва. Давно я стал стремиться
К ее холмам, и в этот раз
Казался рупором столицы
Мне грозный, величавый бас.

Отвага, трезвый ум и сила —
Все слилось в человеке том.
«Увижу...» — сердце мне твердило,
«Услышу...» — думал я о нем.

Казань шумела. Безучастно
Ходил я, молчалив, угрюм,
И гóлоса, что звал так властно,
Не заглушал шурум-бурум.

Тот голос явственно до жути
Указывал, давал совет:
«...И в грязно-серой, хмурой мути
Сумей ты распознать рассвет!»

«Приблизь его стихом!» — звучало
В ту пору в сердце, как приказ.
А жизнь дразнила, зазывала
Всею, что с пути сбивает нас.

Сверкали окна магазинов.
У нэпманов и то и се —
Икра, индейки, апельсины.
У нас — стипендия и... все.

Кафе «Аполло». Горы снеди
И вина марок дорогих.

В столовой «Вуз» платили медью.
Тарелка пшенки — на двоих.

Кино «Электра». Фербенке. Пикфорд.
Арабской сказки чудеса...
Ты как во сне. Но до каких пор?
Все сны по полтора часа...

Но будущее наше! На ночь,
Гремя разменным рублем,
Раз в месяц мы идем в «Касьяныч»
И пиво с возчиками пьем.

Кто про Харлампия святого,
Кто «Гаудэамус» заведет,
А то звучит родное слово —
«Ажурный мост» чуваш поет.

6

Глаза не всё смотрели хмуро.
Библиотечные тома,

Театр и местный Дом культуры
Давали пищу для ума.

Я помню, как «Гаврилиаду»
Читал безбожникам Гамза,¹
Как Поссе всех увлек докладом,
Он в нем о Горьком рассказал.

Фигура мощная предстала —
Титан, порвавший петли уз...
В душе желанье выросло
Поднять какой-то тяжкий груз.

Дерзает сердце молодое,
Не очень тяготы страшат,
Покамест ледяной водою
Не обдал времени ушат...

Котлом бурлила в эту пору
Литературная Казань.

¹ Гамза — известный в то время в Казани пропагандист атеизма. В. А. Поссе (1864—1940) — журналист, издатель; переписывался с М. Горьким.

Лишь «арабисты» скрылись в норы
И не мозолили глаза.

На лаке пишущей машинки,
В журнале, в книжке — как призыв —
То алыми, то цвета синьки
Мелькало всюду «Яналиф».

ЛЕФ здесь обзавелся коллегой:
СУЛФ — «Левый фронт», как ни толкуй.
Ходил в дохе собачьей пегой
Душа его, Адель Кутуй.

Стучала тросточка Такташа,
Старья развеивая пыль...
Такою — не темней, не краше —
Казанскую я помню былль.

7

Москва. Чувашская газета.
Друзья и недруги нашлись.

Но после как-нибудь про это:
Другая занимает мысль.

Весь день в труде. Регламент жесткий.
А ночью в помыслах моих
Большой гремящий Маяковский,
Его чеканный строгий стих.

Я видеть вновь его хотел.
Он путеводным стал огнем.
Я так спешил и — не успел:
В апреле ранний грянул гром...

Полз клеветы змеиный шип.
Нечистых сплетен тек поток.
«Зачем стрелял?» — «Всё бабы... влип...»
«К тому ж налог... И вот итог...»

Поврозь и хором, ополчась,
Мещане замололи чушь.
Немало их и посейчас —
И медных лбов, и мелких душ.

Всё «отчего?» да «почему?» —
Не балалайка же поэт.

Оркестра медь под стать ему.
Что подвело? Найди ответ!

Всё, что ни есть — его печаль,
Что было, будет — все тревожит.
Стирается в работе сталь,
А сердце — только мускул все же.

Струну и ту ты бережешь:
Колки ослабишь — и на стену,
Хоть вся цена ей — медный грош
И без труда найдешь замену.

Поэт с распахнутой душой,
Неукротимой и бесстрашной,
Каменя метких слов пращой
В мир старый мечет в рукопашной,

Раскапывая груды рифм,
Чтоб взять какую поострее,

Он устает, и сердца ритм
Ослабевает все быстрее.

Вниманья женского тепло,
Что сладит с болью самой острой,
К поэту так и не пришло —
С ним только мать его да сестры.

И неужель всегда вот так —
Работать, век опережая,
А будет греть чужой очаг,
И близкий друг — жена чужая?..

Заквакал пучеглазый хор
Литературного болота,
И писк пошел из крысьих нор:
«Достукался, вояка... то-то!»

«Есенина ты осудил,
А сам его путем пошел...»
Поспешно из осины был
Спецами изготовлен кол.

Но трезвый мозг хранит страна
В огромном черепе своем.
Нет, не была осквернена
Поэта память их вытьем.

«Ты наш! Таким и был всегда.
Всегда был прям твой смелый путь,
Годами черного труда —
Ты наш, и вечно с нами будь!»

8

Так партия сказала нам,
Оружье сберегая,
Что метко било по врагам,
Осечки не давая.

Меня к себе он, как магнит,
Притягивал все властней,
Но смолкнул голос, не гремит,
Мечта тускнеет, гаснет...

Когда узнал, среди бела дня
Вдруг скис я на работе,
Как будто пуля и меня
Задела на излете.

Но день за днем, за годом год
Звучат слова живые,
Не остановят их полет
Преграды никакие.

Фабричный цех, колхоз и вуз.
Миллионы молодежи —
Читают все, войдя во вкус.
«Да, наш поэт ты все же!»

О, если б прежде чем начать
Тугой курок взводить,
Успел бы он одно понять —
Как можем мы любить!

Его, его лишь одного
Из всех, кто стих гранил!

До выстрела бы до того
Он руку б опустил.

9

Летели дни. Вперед спешил
Экспресс литературы нашей.
Все силы первый съезд сплотил,
Полнее стала жизнь и краше.

Локомотивов было два.
Уклон, подъемы, перекрестки...
Мощнейший «Горький» шел сперва,
За ним — напарник «Маяковский».

Летит навстречу даль веков,
Из глоток топок жаром пышет,
Басы могучих двух гудков
Страна и вся планета слышат...

В многоязычный хор большой
Я тоже влился подголоском.
Скажу тут прямо: голос мой
Самим поставлен Маяковским.

Натруженный тележный скрип
Не тронет слух: не песня это.
Я издавал то хрип, то сип,
Пока не услышал поэта.

Переводя его стихи,
Я жизни уловил дыханье —
Гул наших строек, рев стихий...
И ощутил я груз призванья.

Он, словно дуб, из почвы той,
Что Пушкина с Толстым взрастила,
Уперся в небо головой.
Была в нем горьковская сила.

Раскованный могучий ум
И духа русского свобода...
И стал властителем он дум
Теперь для каждого народа.

Зима. Сто лет без Пушкина Россия,
Болгария и Франция — весь свет.
В Колонном зале гости дорогие
Со всей земли. Кого тут только нет!

Чтим гения. Его живое слово
На ста наречьях зазвучит вот-вот...
И я читал «Онегина» родного —
Свой собственный чувашский перевод.

Как раз тогда Орджоникидзе умер.
Был вечер пушкинский перенесен.
Мы видели, как черный креп на ГУМе
Повил печалью алый шелк знамен.

Стоим на Красной площади. Молчанье.
И вот с трибуны Мавзолея вдаль

Летят слова, вошедшие в преданье,
Суровые и крепкие, как сталь.

Присягой приняли их наши люди
На той, одной из самых горьких тризн:
«Пускай нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм...»

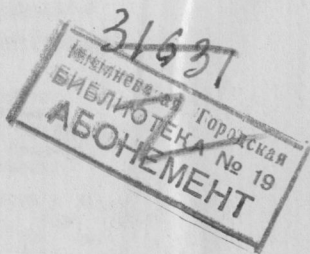
Когда бы не были слова вот эти
Произнесены в полный скорби час,—
Едва ль я б знал, что значит стих на свете,
Какой простор поэзии у нас.

Тоска и боль. Разверстая могила.
Печаль согнула, словно старика.
Но потрясла и душу распрямила
Завещанная мастером строка.

Я так был рад, что встретился когда-то,
С ним говорил, в глаза смотрел ему,
Что он во мне признал тогда собрата...
Я, может, и пишу лишь потому.

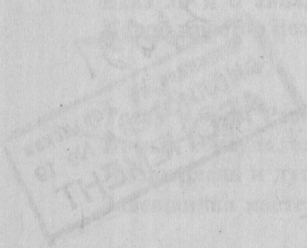
Подумалось: пусть рядовым я буду,
Но если впереди такой идет,
То это честь — шагать за ним повсюду,
Стихом служа тебе, родной народ!

1958

СОДЕРЖАНИЕ

Великое сердце	5
Моя Россия	27
Владимир Маяковский	51

Педер Хузангай
ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ

Редактор **Д. А. Смирнов**
Художник **Г. Г. Бедарев**
Худож. редактор **Н. Л. Юфина**
Тех. редактор **Н. С. Смирнова**
Корректор **В. Е. Иовлева**

Сд. в набор 7/III-64 г. Подп. к печ.
29/IV-64 г. Форм. бум. 60×90 ¹/₃₂.
Физ. печ. л. 2,5 Усл. печ. л. 2, 5.
Уч.-изд. л. 2,08. Изд. инд. ХЛ-709.
А03998. Тираж 4000 экз. Цена 10 коп.
Тем. план 1964 г. №279

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Фабрика высокой печати
издательства «Советская Россия»,
г. Электросталь, ул. Школьная, д. 25.
Заказ № 81

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».

25
2067.6

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •